

Это история парня и девушки.
История любви? Я не уверена.
Ненависти? Тоже вряд ли.
Хотя...

1

Все началось обычным весенним днем.

Я проспала. Открыла глаза, еще даже не догадываясь ни о чем, лениво потянулась и поежилась от холода. Апрельский ветерок врывается в форточку, заставляя подергиваться тонкие розовые занавески и принося с улицы прохладу, запахи талого снега, прелой травы и свежей выпечки.

Выпечки? Какого черта?! Как выпечки?

Булочная на первом этаже нашего дома открывалась в восемь утра. Часам к девяти запах булочек с корицей, пышной сдобы и ржаного каравая с тмином обычно добирался и к моим окнам. Я подскочила на постели, тщетно пытаюсь разлепить глаза. Дотянулась до мобильного. Тот лежал на краю тумбочки и не подавал никаких признаков жизни. Зарядного устройства, которое подцепляла вчера вечером, нигде не было видно. Так и оказалось — телефон сдох.

Глаза упрямо таращились в темный экран, пытаюсь разглядеть цифры, которых там и не должно было быть. Аппарат же был выключен. Сел. Отрубился еще вчера. И кажется, я знала, кого нужно было за это благодарить. Братца-кролика, точнее просто братца, мирно храпящего за стенкой.

Соскочив с кровати, запрыгнула в старые рваные джинсы, неуклюже натянула любимый свитшот с изображением чуваков из Chromeo и пулей помчалась в мамину комнату.

Большие часы на комодке показывали половину десятого. Половину, мать его, десятого...

— Нет! Нет! Нет! Нет! — вырвалось с досады.

Шучу. Просто одно «нет» и пара крепких ругательств.

Я ж вам не барышня из дамского романа, матюгаться умею. Только знает об этом один лишь брат — все крепкие словечки достаются именно ему. И заслуженно: он балбес, каких еще поискать.

Как я его терплю? А так, деваться-то пока некуда. Живем на одной территории, да и люблю я его, чего уж скрывать. Мы, как-никак, близнецы. Ну, то есть двойняшки.

И то, что он вчера забрал мое зарядное без спроса, лишив и средства связи, и будильника, не прощу. Зря, что ли, корпела над учебниками до двух ночи? Зря готовилась к такому важному зачету? А он, тупица, все испортил очередным глупым разгильдяйским поступком.

— Ну, и гад ты, Пашка! — громко выкрикнула, пнув ногой дверь в его комнату.

— Отвали, сурикат, — буркнул брательник, поворачиваясь с боку на бок. И накрылся с башкой одеялом.

— Сейчас ты у меня за все ответишь. — Хлопнула дверь и побежала собираться.

Ненавижу свое прозвище. Обидное и жалкое. Получила его в университете в прошлом году. Почему сурикат? Не, это не значило, что я, сложа лапки, вечно осматривалась в поисках опасности, словно маленький зверек.

Все из-за фамилии — Сурикова. Нормальная фамилия, скажете вы, и только извращенцу могло прийти в голову придумать такое производное от него, как сурикат. Но к сожалению, у меня в группе учатся одни недоумки, которым нечем больше заняться, как выдумывать прозвища и дразнить изгоев. Хотя нет, я не изгой, я — невидимка.

И до сих пор не стала объектом их издевательств только потому, что веду себя тихо и неприметно. Ботаники, неформалы — всем доставалось от этой кучки задавак, считающих себя хозяевами жизни. Меня до сегодняшнего

дня не трогали. Почти. У нас вроде как негласный договор: я делаю вид, что их не существует, они не замечают меня. Все довольны.

Когда все это началось? Пожалуй, еще на первом курсе. И не сказать чтобы это меня сильно беспокоило. В школе я ладила со всем классом, врагов у меня не было, в друзьях числилось несколько довольно приятных девочек. Ну, и брат. Мы с ним всегда были «не разлей вода», с таким другом никогда не приходилось скучать. Жаль, что он назло маме после школы поступил в экономический колледж, ведь в моем универе такой парень точно бы не пропал. И мне бы не дал превратиться в серую тень, которой я стала.

Помню свой первый день в универе, как сейчас. Совершенно неожиданным было оказаться вдруг на первой паре, окруженной двумя десятками пар незнакомых глаз, встревоженных так же, как и я, от того, что оказались чужими в незнакомом месте. Все было новым, непонятным и ужасно интересным.

Время шло, мы привыкали, втягивались в учебу. Мои новые одноклассники приглядывались друг к другу постепенно, смеясь и находя точки соприкосновения. Вскоре они уже стекались в группки и междусобойчики, союзы и коллективчики. И как-то вот этот момент, видимо, прошел мимо меня, потому что в один прекрасный день я вдруг проснулась и обнаружила, что не принадлежу ни к одной касте из вновь образованных.

Несколько ботаников, сбившихся в кучку, еще как-то более-менее общались со мной, могли перекинуться парой слов, но и то только по делу. Все же я числилась не самой тупой и даже могла подсказать им что-нибудь дельное. Неформалы огрызались — оказавшись в меньшинстве, они выбрали в качестве защиты наиболее эффективный способ. Не трогай нас — не тронем тебя. Серднички же тянулись к «звездам». Так я называла компанию Костыля.

Детки вполне обеспеченных родителей, которые посещали пары только потому, что это было их способом где-

то тусоваться вместе каждый день. Не богатенькие моральные уроды, а просто уроды (по версии моего личного хит-парада отможенных), которые, будучи отпрысками уважаемых в городе людей, всегда были красиво одеты и вкусно накормлены. Отсюда, наверное, и манеры: грубость, хамство, зазнайство и раздутое до неприличия самомнение.

Почему Костыль? Все просто. Этот дебил год назад умудрился выпрыгнуть из окна аудитории на спор с Лысым. И сломал ногу (говорю же, дебил). Две недели на растяжке, долгие месяцы реабилитации, и приросшие, казалось, почти намертво к подмышкам костыли. Все просто. Кость со временем заросла, а погоняло осталось.

А почему Лысый? Потому что это тип пришел на первый курс с густой шапкой кучерявых волос, из-под которых было не видать даже его черных глаз. Смуглый, рослый, с ровным прямым носом — вылитый жгучий итальянец, будь он не ладен. Сразил всех наповал и своей внешностью и прической. Потому и получил почти сразу прозвище Лысый.

Самые красивые девочки, хорошо одетые мальчики — все они как-то сразу потянулись друг к другу невидимым магнитом. А я вот это разделение на могучие кучки проспала. Проморгала, так и оставшись одна. Ну а позже просто привыкла.

Приходила, садилась тихонько на последний ряд и ныряла с головой в конспекты. Это стало моим способом медитации — записывать все, что говорили преподаватели. Слово в слово, как стенографистка. Так можно было не отвлекаться на косые взгляды и недобрые перешептывания.

Сидишь себе, пишешь. Никого не замечаешь вокруг. Переменка? Можно отдохнуть и порисовать. Громко, конечно, сказано «порисовать». Так, почиркать на полях или в блокноте. Пару забавных рожиц одnogруппников, перевод песни для брата (чтобы он знал, о чем напевает под веселое треньканье на гитаре) и, разумеется, сердечки.

А как вы думали? Я же девочка. И все девочки в моем возрасте мечтают о вполне себе взрослой любви. С прогулками вечером по темной аллее, обязательно за ручку и... как там в книжках? Ах, да, с поцелуями.

Схватив в охапку сонного Крысы, посмевшего недовольно мяукнуть, я сунула его Пашке под одеяло. Пусть знает наших. Брат довольно быстро все понял: голые пятки нервно задергались, колени прижались к животу.

— Машка! — Охрипший со сна голос казался крайне раздраженным, что не могло меня не радовать. — Вот ты стерва!

— Я такая, да, — довольно хрюкнула я, натягивая капроновые носочки.

— Крысь! — Это уже негодяю-коту, царапающему не в меру волосатые икры брательника. — Брысь! Иди уже отсюда, иди. Ы-ы-ы! Ма-а-аш, ну убери его?!

— И тебе доброго дня, Суриков!

Хлопнула дверь, чтобы кот не мог выбраться из комнаты и протяжно мяукал. Так, как только он один умеет: громко, заунывно, максимально раздражающе для спящего молодого мужчины. Усмехнулась и побежала к двери. Один мимолетный взгляд в зеркало. Оп! Стоять. Это что, я вот так собралась выйти в люди? Е-мое...

Поработала пятерней, пытаюсь унять непокорный каштановый бунт на голове, уныло вздохнула. Ничего не поделаешь, а мне с этим еще жить. Пара завершающих и вполне бесполезных штрихов расческой, цветная (да, детская, ну и что?) заколка. И глупая улыбка.

Проскользнула в любимые кеды, подогнула джинсики немного (так, для красоты). Сняла с вешалки любимое кашемировое пальто нежно-кремового оттенка, на которое старательно копила несколько месяцев. Надела, закинула сумку на плечо. Все равно чего-то не хватает. Напялила очки с круглыми стеклами персикового цвета.

Вот, теперь я в тренде. Никогда в таком прикиде не появлялась в универе. Так меня, пожалуй, и заметят. Хотя оно мне надо? Да по фигу вообще. Просто по ба-ра-ба-ну.

Можно идти.

Закрывает дверь. Громко (мвуааахахаха!) и достаточно звонко, чтобы окончательно разбудить старшего (всего-то на пятнадцать минуточек) брата-лоботряса. И торопливо поскакала вниз через две ступеньки, усиленно пытаясь сообразить, почему волосы одного и того же цвета и качества отлично смотрелись на голове молодого мужчины по фамилии Суриков и совершенно нелепо торчали в разные стороны у меня. Шутница-природа, будь она неладна, и тут подвела!

Сколько там у меня? Полчаса? Поглядела на часы. Нет, уже двадцать минут осталось. Проклятие! В другой раз я бы обязательно не спеша прошла пешком, тщательно вымешивая кедами весеннюю грязь. Но не сейчас. Пожалуй, стоит воспользоваться общественным транспортом. Вон, кстати, маршрутный автобус вырулил из-за угла. О-очень кстати! Стой, стой!

Водитель притормозил и открыл двери, словно приглашая меня заскочить на ходу.

— В своем уме? — всплеснула руками, еле сдерживаясь, чтобы не показать ему в стекло неприличный жест. — Давай по-человечьи останавливайся!

Тц-тц-тц. Старая развалюха со скрежетом проехала еще пару метров и замерла на остановке.

— Другое дело, — проворчала я, запрыгивая внутрь.

Порылась в карманах в поисках мелочи, выгребла, отсчитала, сколько нужно и, не заметив в салоне признаков присутствия кондуктора, сложила монетки горочкой на панели возле водительского сидения. Вот так. Теперь я должна успеть к началу зачета по грамматике перевода. А он был очень важен для меня, ведь его преподавал сам Станислав Вячеславович. Мой Стас...

Нет-нет, конечно, педагог не догадывался, что он «мой». И что его как-то там зовут, пусть даже очень ласково, навроде Стасик. Но для меня он был настоящим предметом обожания, с первого дня, стоило мне только его увидеть. Спутанные волосы, мягкие и кудрявые, совсем как у моего брата. Светло-русые, намеревающиеся захватить весь мир и густыми прядями спадающие на лицо. Глаза, грустные

и серьезные, большие и темно-зеленые. Такие темные, что кажутся почти карими. Но стоит посмотреть на них на солнце, и они загораются тысячами зеленых отблесков, сливающихся из маленьких искр в крупные яркие изумруды.

Высокий, всегда скромно, но со вкусом одетый и, что немаловажно, привлекательный мужчина лет сорока с хвостиком. Скажете, староват для меня? Нет, совершенно. Гораздо больше удручает тот факт, что ему не положено заводить близких отношений со студентами. Ну, так мне и осталось учиться всего ничего — два года с небольшим. Главное, обратить на себя внимание, заинтересовать, а в этом направлении я уже немного продвинулась.

Еще на втором курсе, чтобы не отставать от других студентов, я начала читать неадаптированную литературу. Прочла в оригинале «Европейцев» Генри Джеймса, чуть тогда мозг не вывихнула, но осилила. Очевидность прогресса моих языковых навыков заставила меня продолжить эксперимент, подбирая для чтения все новые и новые произведения в нашей библиотеке. Слушала много музыки и аудио-спектаклей, привыкая к особенностям произношения и отличиям в британском и американском английском. А потом вдруг решила сменить тактику.

А что, подумала я, если попробовать поразить Стаса не своими успехами, а наоборот — попросить помощи? Хороший ход. И тогда по моей просьбе мама договорилась о двух часах в неделю дополнительных занятий. Индивидуальных. Для меня одной. У нас дома.

Стасик приходил по средам и пятницам вечером. Вот уже два месяца. Мы всякий раз садились за стол в гостиной. На расстоянии полуметра друг от друга. Опасно близко. Так близко, что сердце гулко отдавалось в ушах от каждого случайного соприкосновения рукавами. Я закусывала до боли губу, боясь, что он услышит. Но он продолжал монотонно объяснять материал, который был для меня проще пареной репы. Ловя глазами каждое движение его губ, я слушала и наслаждалась этой близостью.

Иногда, когда запах его парфюма ударял в голову, мне хотелось поцеловать Стаса и посмотреть на реакцию.

Вот наши взгляды встречаются. Искра, словно от спички. Еще несколько секунд на раздумье и долгожданное встречное движение. Мммм... С каждым разом это видение становилось все реальнее, и казалось, вот-вот желанное произойдет наяву, а не в моих глупых мечтах. Но, как всегда, заходила мама со своим традиционным «я только поставлю вам чаю и уйду» и все обламывала, отдаляя меня от моей цели и мужчины-мечты все дальше и дальше.

Разумеется, оплачивала я эти занятия из своего кармана. Маме и так было тяжело. На ее шее висели мы с братом, квартплата, кредит подонка-отца, бросившего нас еще в детстве и сам подонок-отец собственной персоной. Да-да, вы не ослышались. Узнав, что этот тип болен (хрен знает чем, мне все равно, но лучше бы он скорее загнулся от этой дряни), мама решила ему помогать и теперь навещает несколько раз в неделю уже в течение пары лет.

Из-за этого у нее с Пашкой постоянные конфликты. Брат громыхает своими вечеринками, стоит ей только выйти за порог, шокирует татуировками, пирсингом, сигаретами и странного вида деважами, которых он пачками тащит к нам в квартиру. Поэтому я держусь ровно, стараюсь не расстраивать родительницу еще больше. Молчу про свою учебу, подрабатываю переводами, батрачу в свободное время в местной забегаловке и стараюсь не злить. Одного стихийного бедствия на семью, пожалуй, будет достаточно.

Я удобнее устроилась на сиденье напротив выхода. Может, стоило бы полистать конспекты, пока эта тарантайка ползет в сторону универа? Сняла очки, запустила руку в сумку, где приятно шелестели исписанные мною тетрадки. Зеленые, желтые, красные. Мои богатства. Мои верные спутники.

Автобус подскочил на кочке, вытряхивая из меня последние остатки сна (да и мозгов, пожалуй), и сбавил ход лишь перед остановкой. Опустив конспекты, я покоси-

лась на водителя. Если бы не такой чудесный весенний день, точно бы послала ему мысленно пару крепких ругательств. Лихач хренов!

Повернулась к окну. Солнышко пробивалось сквозь мутные стекла автобуса невероятно прозрачными, яркими лучами, растекающимися по салону, словно медовая акварель. Их блики вспыхивали, отражаясь в хромированных поручнях и даже в моих часах, и рассыпались на десятки солнечных зайчиков на сиденье и под ногами.

Обожаю весну. Природа просыпается, согревает своим свежим дыханием, радуется первыми цветами, звонкими ручейками. И даже музыка в наушниках звучит веселее, заставляя шагать вприпрыжку.

Тц-тц-тц. Опять! Автобус со страшным скрипом притормозил возле остановки. Я убрала за ухо две светлые прядки, упавшие на глаза.

Похоже, водитель на этот раз решил не испытывать терпение пассажиров — остановился как положено и открыл двери. Желающих прокатиться в такую прекрасную погоду нашлось немало: целая орава первоклашек с учительницей с шумом влетели и рассосались по сиденьям в хвосте салона, пара бабушек, ворчащих и спорящих друг с другом и со всем белым светом, еле вползли и заняли места рядом с водителем. И как пенсионеры вообще выносят такую жару в своих пальто, зашторенных буквально по подбородок? Да еще и в глухой вязаной шапке в комплекте с платком, плотно обернутым вокруг шеи? Загадка.

Я втянула носом приятный свежий аромат весны, вдруг ворвавшийся в салон. Все-таки лучше этого времени года и быть не может! И плевать на лужи, на грязь, которую приходится месить собственной обувью вплоть до мая, плевать на серые кучи снега и какахи, вдруг оттаявшие после зимы на газонах. Это же весна! И ничего не может быть прекраснее нее!

Я посмотрела на часы и нетерпеливо постучала пальцами по коленке. Пора бы и отправляться, чего он там ждет? У меня важный зачет, нельзя опаздывать. Бросила взгляд

в сторону водителя. Типа: эй, чувак, ты уснул там? Он, казалось, перехватил мой взгляд, нахмурился и лениво нажал кнопку, которая закрывает двери.

Вот так уже лучше. А теперь поторопимся, иначе...

Дверь, почти закрытая до конца, заскрежетала, перехваченная чьей-то рукой. Пальцы, длинные, покрытые цветными татуировками от ногтей до запястий, увешанные странными массивными кольцами-печатками, вцепились в нее и с силой дернули в обратную сторону. Ветхая конструкция не стала сопротивляться — открылась податливо и мягко.

Через секунду вслед за костлявой рукой появилось такое же костлявое тело. Парень. Высокий, сутулый, в вытянутой, длинной серой футболке, непроницаемых черных очках и потертой кожанке запрыгнул на ступеньку. Я замерла. Голова его качнулась из стороны в сторону пугающе и опасно. Он, словно хищник, выискивал глазами жертву. Хотя именно глаз и невозможно было разглядеть сквозь черные стекла.

Перестав мотать головой, взялся за поручень, обвив тот своими безобразными тонкими пальцами, и как-то странно покачнулся, хотя автобус еще не начинал движение. Наклонился всем телом на металлический реллинг справа и снова принялся сканировать салон взглядом.

Я выпрямилась, стараясь не дышать. Еще не хватало, чтобы этот наркоман занял место напротив меня. Бледный, помятый, явно страдающий от похмелья или чего там у них, у нариков, бывает, он навалился на поручень, ожидая, пока автобус тронется и наберет скорость. Навис надо мной, как многоэтажка, угрожающе покачиваясь, и уставился. Да блин!

Мне опять не повезло. Это чучело заприметило-таки свободное место!

Парень отпустил поручень и грохнулся на сидение напротив, как тяжеленный мешок с картошкой. Ну, или с костями. Потому что он явно был изможден, как все любите-

ли курнуть, закинуться или уколоться. Сел, вытянул свои длинные худые ноги в узких черных джинсах, расслабил плечи и завис, глядя куда-то сквозь меня.

По спине пробежал холодок. Взгляд этого чудилы явно был направлен в мою сторону, но вполне могло статься, что он просто спит, а не рассматривает брошку на моем пальто.

Я прижала к себе сумку и робко опустила глаза. В пол. А как? Не на него же глядеть? Если он такой наглый и бесцеремонный, пусть пялится на меня. Лично я так не могу.

Посмотрела налево. Старушки уже перешептывались друг с другом, обсуждая странного пассажира, и брезгливо плевались в его сторону. Глянула вправо. Малыши-карандаши застыли с выражением ужаса на лице. Эксцентричный молодой человек с татуировками захватил все их внимание, обеспечив хотя бы на какое-то время, но идеальную тишину в салоне.

Я отвернулась, уставившись вновь на свои кеды, и выдохнула. Ну и что? Да, тип отвратительный. Но не тронет же он никого прямо на глазах всего салона? Пусть себе сидит, а я пока посмотрю на него. И очень осторожно скользнула взглядом снизу вверх.

Кроссовки. Спортивные найки, хай-топы с золотистым логотипом и красными шнурками. Донельзя белые и омерзительно дорогие. Новенькие. Или просто чистые. Ну не летает же этот экземпляр на метле? Ходит, как и все, по улицам. Значит, только вышел из дома, целомудренно-незапачканный, не отмеченный серо-коричневой грязью этой весны.

Руки. Ухоженные, мягкие, с тонкими пальцами. Металлические цепочки и браслеты на запястье. Много татуировок в цвете. Рисунки тянутся диковинными завитушками и загадочными буквами вверх, перемежаясь со штрихами, и кажутся чем-то похожими на черепашку, ныряющую в рукав куртки. Это на одной руке. Вторая чистая, как белый лист, покоится на его ноге.

Поза дерзкая, расслабленная. Положение хозяина жизни. Сидит, не дергается, не собирается даже передавать

за проезд. И все будут молчать, никто не скажет ни слова. Даже водитель. Я уверена, потому что и сама бы тоже не заикнулась. Кто знает, что ожидать от такого кадра, распятого под хохлому?

Подняла глаза выше. Робко, медленно, стараясь делать вид, что думаю о чем-то своем. Куртка черная, кожаная, с английским воротником, усеянная металлическими клепками-застежками. Даже со своего места можно было представить, как она пахнет кожей — дорогой, мягкой. И в контраст ей длинная футболка, превосходящая по длине. Серая, линиялая, вытянутая. Такой будто несколько раз помыли полы, потом выстирали, высушили и надели снова. Короче, по ходу, тоже адски дорогая вещь.

Чувак сидел, развалившись на сиденье, и мерно покачивался всем телом в такт автобусу. Наверняка еще и ловил кайф от того, как его открыто разглядывает добрая половина салона.

А я тем временем продолжила свое исследование. Подняла глаза выше. В вороте футболки незнакомца красовался очередной рисунок. Татуировка поднималась вверх, раскрашивая шею оттенками синего, красного и желтого, и заканчивалась где-то за левым ухом. Крылья, перья, когти какой-то птицы. А на плече вроде клыки? Не видно полностью, можно только дорисовывать в уме.

Не тело, а холст, блин. Надо же так себя изуродовать. И как люди это делают? Да еще и добровольно? Мне непонятно.

И вдруг я чуть не охнула, заметив, что странный тип пялится на меня прямо поверх слегка спущенных на переносицу очков. Брови нахмурены, губа закушена ровными белыми зубами. Вот ведь наглец!

Быстро отвернулась и уставилась в окно. Не хватало еще, чтобы пристал ко мне со своими предъявами. Еще две остановки, и я буду на месте. Автобус свернул на нужную улицу и ускорил движение. Поглядывая на часы, я чувствовала себя неуютно под этим взглядом, пронзающим насквозь.